

УДК 371(09)(476)

Снапковская С.В.

**УЧИТЕЛЬСТВО
БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА
(1860-е ГОДЫ –
НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Ключевые слова: народное образование, национальные педагогические кадры, функционально-государственная модель подготовки учителя.

После подавления восстания 1863–1864 гг. на территории Литвы, Беларуси и Польши народное образование в белорусских губерниях вступило в новый этап своего развития. Учительские, культурно-просветительские и духовные кадры, назначаемые центральным правительством и присылаемые из внутренних губерний России, стали основными проводниками правительственной политики в области народного просвещения на территории Беларуси (или Северо-Западного края, как было принято называть). Начало пореформенного периода ознаменовалось реализацией основного принципа кадровой политики – не пускать местных уроженцев, хотя бы и «западнорусского» образца, на должности, прежде всего по Министерству народного просвещения, выше 5-го класса, а по духовной службе – выше священника. М.О. Коялович писал в начале 80-х гг. XIX в., что в «Западной России нет ни одного архиерея из местных уроженцев, все они приехали из внутренних российских губерний. Некоторые вызывают сюда своих земляков по принципу, чтобы более успешно русифицировать этот край. Хорошие люди среди них попадают единицами. Большинство – “искатели счастья”... Напротив, западноруссы скитаются по всей России», – констатировал главный идеолог «западнорусизма» [17, с. 281].

После закрытия Виленского университета в 1832 г. высшее образование, в том числе педагогическое, белорусская молодежь могла приобрести только в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове и других университетских городах. Белорусы, получавшие университетские дипломы, обязаны были ехать работать в губернии России и только через 4 года получали разрешение возвратиться на родину. Значи-

тельная их часть оставалась работать по распределению, создавала семьи, ассимилировалась и домой уже не возвращалась.

Чтобы привлечь в западные губернии чиновников, священников и учителей из центральной России, правительство установило льготный режим, закрепленный в «Положении об отдельных привилегиях гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царстве Польском». В соответствии с редакцией этого «Положения» от 1896 г. предусматривалась, что в 9 западных губерниях чиновники, священники, занимавшие классные должности, и учителя приходских училищ получали 50-процентные надбавки к окладам. Эти правила распространялись только на лиц русского происхождения, за исключением местных уроженцев.

Лица, занимавшие должности от 14 до 8-го класса включительно, в том числе служащие духовно-учебных учреждений, канцелярий попечителей учебных округов, учебных заведений Министерства народного просвещения и дирекций народных училищ, смотрители и учителя городских и уездных училищ получали к окладам 120-процентные надбавки. Лицам русского происхождения, которые выдвигались на должности по учебной и воспитательной части в учебные заведения Виленского учебного округа, выдавались так называемые прогонные деньги на проезд от места препровождения до места назначения и другая денежная помощь [15, с. 198–199].

Положение 1896 г. не предусматривало преимущества гражданской службы в отдаленных местностях уроженцам той местности, куда они направляются, за исключением лиц, получивших высшее образование, и тех лиц из отдаленной местности, которые

находились за ее границами не меньше 10 лет подряд перед поступлением туда на службу [там же, с. 194]. Таким образом, белорусы, закончившие российские университеты или прожившие за границами Беларуси не менее 10 лет, могли рассчитывать на льготы, поскольку, по мнению властей, достаточно обрусели. Общий порядок привилегий гражданской службы в отдаленных местностях выделял в отдельную льготную категорию законоучителей средних учебных заведений и учительниц женских гимназий, прогимназий и соответствующих им учебных заведений МНП и Святейшего Синода [там же]. Режим отдельных льгот для служащих западных губерний распространялся также на получение пенсий и одноразовой материальной помощи [там же, с. 198–199].

Правительству были нужны такие учительские кадры, которые могли бы стать опорой правительственной политики в крае. Для осуществления этой цели в 60–70-е гг. XIX в. в Беларуси были открыты 4 учительские семинарии: в Молодечно, Полоцке, Несвиже и Свислочи, которые относились к разряду низших учебных заведений, поскольку были лишены преемственной связи со средней школой по причине ограниченности общеобразовательной подготовки. В итоге учительские семинарии стали «тупиковыми» учебными заведениями, поскольку не давали права поступления в высшие учебные заведения.

Программы и учебные планы учительских семинарий определялись «Положением о Молодечненской учительской семинарии» от 17 марта 1870 г. и ограничивались только теми предметами, которые были необходимы учителю в начальной школе (Закон Божий, основы педагогики, методики преподавания учебных предметов,

русский и церковнославянский языки, чистописание, арифметика, основы геометрии, география и история, церковное пение и пр.). Использование белорусского языка было строго запрещено [8, с. 13]. В 1886 г. согласно распоряжению Министерства народного просвещения были составлены новая инструкция для управления учительскими семинариями Виленского учебного округа и новые учебные программы, согласно которым количество часов на Закон Божий и церковнославянский язык увеличилось за счет уменьшения числа уроков педагогики, естествознания и чистописания [1, с. 279–280].

Идеал народного учителя представлялся российскому школьному руководству в виде толерантного, скромного, неприметного труженика на ниве народного просвещения, который хорошо осознает важность учительского долга и преданно служит церкви и государю. Этой цели была подчинена вся учебно-воспитательная работа в семинарии. На первом плане в отношении развития просвещения и подготовки учительских кадров в Северо-Западном крае стояли цели политические, а потом только просветительские и образовательные. Министерство народного просвещения и Виленский учебный округ стремились подготовить для народной школы учителя, обладавшего элементарными знаниями. Руководство сознательно ограничивало образовательный ценз учителя и считало, что преподавателем народной школы может быть только человек, вышедший из крестьянской массы, где ему далее придется работать [8, с. 16–18]. И результат не заставил себя ждать. В журнале «Виленский календарь за 1900 год» отмечалось: «Учителя в преимущественном большинстве являются действительно пио-

нерами русского дела в крае, морально устойчивыми и целиком надежными в религиозно-политических убеждениях. Даже в смутное время конца 70-х – начала 80-х годов почти не было случаев, чтобы народный учитель был замечен в каком-нибудь политическом деле» [7, с. 202].

Для учительских семинарий, школ белорусско-литовских губерний создавались отдельные учебные программы и планы, а также правила внутреннего распорядка с тем, чтобы не дать сформироваться национальному самосознанию у местного подрастающего поколения. В учительских семинариях под руководством преподавателей систематически проводилось чтение русской художественной литературы, велась систематическая работа по привитию воспитанникам правильного русского разговорного языка, как на занятиях, так и в быту [8, с. 22–23]. Белорусский, польский и другие языки не присутствовали в учебно-воспитательном процессе.

В Беларуси укоренялась функционально-государственная модель подготовки учителя, сформулированная в официальных документах и педагогических работах охранительно-пропагандистской направленности. Как справедливо отмечает современный российский историк педагогики И.Д. Лельчицкий, основной задачей учителя считалось проведение государственного курса в процессе своей профессиональной деятельности путем выполнения учителем строго фиксированных функциональных обязанностей. Согласно этой модели содержание педагогического образования должно было опираться на такие социально-политические и духовные ценности, как самодержавие, православие, народность [11, с. 263]. Функционирование белорусского учителя в

рамках такой модели гарантировало ему дальнейшее социальное продвижение.

Большую идеологическую значимость просвещения и школы в деле «обрусения» края подчеркивал белорусский ученый-историк и педагог В.М. Игнатовский. Он писал в 1920-е гг., что школа пореформенного периода постепенно подпадала под все большее наблюдение и контроль русской администрации, готовя «новых русификаторов местного происхождения» [6, с. 148]. Немаловажную роль в этом вопросе сыграли учительские семинарии, призванные готовить народную интеллигенцию. За 3–4 года они успешно переделывали местных юношей «в истинно русских людей». В.М. Игнатовский следующим образом передает ту духовную атмосферу, которая господствовала в учительских семинариях белорусских губерний: «Ученикам прививались идеи великорусской великодержавности и шовинизма, культивировался взгляд на нерусских, как на инородцев, особенно было распространено юдофобство. Родной белорусский язык был объявлен некультурным мужицким языком, который надо искоренять из обихода» [там же, с. 151].

Семинарии готовили учителей преимущественно для школ белорусских губерний и давали звание учителя начального народного училища. Однако имеющиеся условия не позволяли готовить нужное количество учителей. В школах работали малограмотные священнослужители, отставные солдаты, выпускники более низких церковно-приходских школ. Молодечненская учительская семинария ежегодно выпускала (с 1867 г.) не более 20 народных учителей. В 1899 г. все 4 семинарии подготовили только 79 учителей [1, с. 283–284]. Создав в 1860–1870-е гг.

на территории Беларуси 4 учительские семинарии, Министерство народного просвещения прекратило расширение сети педагогических учебных заведений. Этот процесс был восстановлен только после революции 1905–1907 гг.

В 1874 г. в Вильно были открыты два учительских института: христианский с 3-летним сроком обучения и еврейский – с 4-летним. Они должны были обслуживать соответствующий национальный состав населения края. С целью повышения квалификации учителей уездных училищ до уровня городских при учительских институтах создавались дополнительные курсы. Виленские учительские институты, согласно В.М. Игнатовскому, по духу явились фактически семинариями повышенного типа, которые готовили «более квалифицированных и более заядлых русификаторов» [6, с. 151].

В.М. Игнатовский, характеризую систему подготовки педагогических кадров для учебных заведений Беларуси конца XIX в., отмечал, что русификаторов для средней школы поставляли русские университеты и особенно духовные академии, для начальной школы соответствующих учителей готовили местные учительские семинарии и Виленский учительский институт [там же, с. 177]. Близкие оценки высказывал другой известный белорусский ученый-филолог и педагог И. Лесик, также испытывший на себе как ученик воздействие правительственной школьной системы, называя учительские семинарии и институты «специальными школами обрусения» [12, с. 113]. Третий современник, белорусский ученый и общественный деятель А.И. Цвикевич, давал, на наш взгляд, более взвешенную оценку тогдашним учительским семинариям и институтам. Называя их «действительными кузницами западноруссизма», он обращал

внимание на то, что из учительских семинарий одновременно выходили народные учителя, преданные идее служения родному краю, сторонники национально-культурного возрождения Беларуси [17, с. 272–273].

Следует отметить, что эти резкие оценки школьной политики царского правительства на территории Беларуси были сделаны известными представителями белорусского национального возрождения в 1920-е гг. на волне крайне негативного отношения к царизму и его имперской политике, которая тогда доминировала в научной и общественно-политической мысли.

Учительские семинарии, несмотря на значительные недостатки в учебно-воспитательной работе, структуре и содержании учебных планов и программ, в целом, сыграли позитивную роль в подготовке учителей для начальных народных училищ. Они были единственными, не считая нескольких педагогических курсов, педагогическими учебными заведениями Виленского учебного округа, которые готовили учителей для начальных училищ. Эти учреждения давали своим выпускникам хотя и ограниченные, но специальные профессиональные знания и навыки. В результате уровень подготовки учителей в рассмотренный период повысился. Если в 60–70-х гг. XIX в. учителями в народных школах служили лица без специального образования, то в 1899 г. учителя, получившие специальную подготовку, в среднем составляли 30–35 % от общего количества учителей начальных школ [2, с. 76]. Тем не менее и в последующие годы неудовлетворительные темпы роста контингента учащихся педагогических учебных заведений вели к ухудшению обеспечения школ квалифицированными кадрами. Так, в Могилевской губернии в 1909 г. 65,7%

учителей народных училищ не имели педагогического образования, а в 1913 г. – уже 73%. Квалифицированных учителей не хватало и в других белорусских губерниях [1, с. 385].

В 1909–1916 гг. на территории Беларуси было открыто 5 учительских семинарий: мужская в Рогачеве и 4 женские в Орше, Борисове, Гомеле и Бобруйске. Но несоответствие между ростом количества начальных школ и подготовкой учительских кадров в последней трети XIX в. еще более увеличилось. В 1910 г. в 8973 начальных школах Виленского учебного округа работало 10 965 учителей, среди которых более 50% подчинялись Министерству народного просвещения. Возросло также количество школ, которые комплектовались учителями без специального педагогического образования [14, с. 4–5].

Согласно Однодневной переписи 1911 г. учителя в начальных школах Виленского учебного округа распределялись соответственно своему образовательному цензу следующим образом: со средним светским образованием – 14,1%; со средним духовным образованием – 17,5%; со средним специальным педагогическим образованием – 16,1%; а с более низким и домашним образованием – 52,3%. В последнюю категорию вошли лица, которые окончили низшие педагогические заведения (церковно-учительские школы и непродолжительные курсы), а также те, кто не закончил средние учебные заведения [там же, с. 13–14]. Как видим, в начальных школах Виленского учебного округа более половины всех учителей не имели даже среднего общего или среднего специального образования.

Между тем к 1916 г. в Беларуси действовало 3 учительских института (187 учащихся), 9 учительских семинарий (около 1000 учащихся),

7 двухлетних педагогических курсов (288 учащихся) и 14 учебных заведений Св. Синода (епархиальные училища и церковно-учительские школы), которые готовили учительские кадры [1, с. 385–386; 8, с. 58].

Значительным шагом вперед в деле подготовки учительских кадров было открытие при поддержке земств на территории Беларуси трех учительских институтов: в Витебске – в 1910 г., в Могилеве – в 1913 г., в Минске – в 1914 г. Учительские институты не являлись даже средними учебными заведениями, однако программа обучения в них была более развернутой, чем в семинариях. Они готовили учителей для начальных школ повышенного типа. Преподаватели Минского учительского института в своей педагогической деятельности ориентировались в основном на уровень средней школы. Но качество преподавания педагогических дисциплин, русского языка и литературы, истории, богословия здесь было выше, чем в гимназиях. Педагогических учебных заведений по подготовке учителей для городских училищ и средних школ в Беларуси не было, поэтому учителей для них присылали из Москвы и Петербурга.

Штабом по реализации образовательной политики в Беларуси и Литве было управление Виленского учебного округа, которым в последней трети XIX в. руководили следующие попечители: А.П. Ширинский-Шихматов (1861–1864 гг.), И.П. Корнилов (1864–1868 гг.), Б.Н. Батюшков (1868–1869 гг.), Н.А. Сергиевский (1869–1899 гг.). Наиболее выразительно школьная политика правительства персонифицировалась в личности Н.А. Сергиевского. Согласно характеристике А.И. Цвикевича, он был человеком невыразительным по сравнению с его предшественниками [17, с. 112]. Как отметил

А. Круковский, написавший в 1917 г. большую статью «Очерки педагогического прошлого в Северо-Западном крае», Н.А. Сергиевский ценил прежде всего внешнюю, формальную сторону обучения, был горячим сторонником классической системы [9, с. 93]. При нем важную роль начали играть педагогические советы. Все вопросы, которые предлагались для обсуждения на попечительском совете, предварительно рассматривались педагогическими советами учебных заведений, причем руководство округом требовало их детальной, строго мотивированной переработки. Не случайно постановления попечительского совета Виленского учебного округа высоко ценились в Министерстве народного просвещения. Но, с другой стороны, как писал А. Круковский, во время руководства Н.А. Сергиевского всем управляла «чиновничья линейка». «Все свободное, что выходило из узких границ условных казенных форм, осуждалось на постепенное вымирание» [там же, с. 90].

Управляющий Виленским учебным округом А. Белецкий, долго работавший с Н.А. Сергиевским, отмечал, что тот «ревниво охранял русский характер более низких учебных учреждений» и был «твердым исполнителем заветов М.Н. Муравьева» [3, с. 11]. Сергиевский особое внимание уделял совершенствованию преподавания русского языка, литературы и истории, пополнению библиотек документами и книгами, которые трактовали историю «Западной России» с официальных великодержавных позиций. А. Белецкий констатировал, что к концу 30-летней деятельности Сергиевского на должности попечителя Виленского учебного округа русская школа уверенно стояла на ногах [там же, с. 16–18].

Эти же слова можно было отнести к характеристике самого А. Белецкого.

Управление Виленского учебного округа в 1908 г., в день памяти Белецкого, отмечало, что он «отдавал все свои силы служению русскому просветительству и, благодаря своей длительной (35 лет работал в Виленском учебном округе. – С.С.), многосторонней, энергичной деятельности, оказал очень значительные услуги русской школе и русской государственности в Северо-Западном крае» [16, с. 182–183]. Попечителем Виленского учебного округа в 1899–1906 гг. являлся В.А. Попов, который, как и все его предшественники, был русским по происхождению, считал Беларусь «издавна русским краем», беспокоился о приобщении к знаниям местного «русского» населения [9, с. 91].

На волне вынужденной либерализации управления школьной жизнью, что было вызвано революцией 1905–1907 гг., 12 октября 1906 г. был издан царский указ «О расширении власти попечителей учебных округов». Попечители получили право заменять в городских училищах классную систему преподавания на предметную, вводить преподавание дополнительных предметов, предназначенных для внештатных преподавателей, менять еженедельное расписание уроков, допускать домашних учительниц к преподаванию всех предметов в двух младших отделениях городских училищ [4, с. 568].

26 ноября 1908 г. Министерство народного просвещения издало распоряжение «По вопросу о процентной надбавке для удержания служащих в западных губерниях». Документ отменял или существенно ограничивал положение «Временных правил...» 1863–1864 гг. о надбавках к жалованью учительницам, русским по рождению, которые приезжали в западные губернии, а также соответствующую запись

«Положения об отдельных надбавках по гражданской службе в отдаленных местностях, а тоже в губерниях Западных и Царства Польского» (в редакции 1896 г.). Эти надбавки признавались не соответствующими «современным бытовым и служебным условиям», а их сохранение считалось «несвоевременным и неудобным» [13, с. 38].

Для характеристики социальной позиции учительства, его национальных идеалов и ценностей многое проясняет национальный состав педагогических кадров. Первые попытки дать статистическое измерение взглядов белорусской интеллигенции, большинство которой составляли учителя, сделали в 1990-е гг. белорусские ученые З.В. Шибeko и А.А. Смолянчук [10; 18]. В данном исследовательском сюжете мы будем использовать их работы [19, с. 65].

Согласно переписи населения 1897 г. можно выделить отдельную группу интеллигенции, или интеллектуалов, куда входили учителя, священники, медицинские работники, ученые, литераторы, труженики искусства, юристы. Состав интеллектуалов белорусских губерний был типичным для Российской империи: 51% составляли учителя, 25% – священники, 17% – медицинские работники, 6% – другие. Удельный вес всей интеллигенции едва превышал 1% от общего населения губерний. Белорусы, которые подвергались тотальному обрусению, в то время изначально не могли иметь широкого слоя сознательных интеллектуалов, составлявших только 2,5% белорусского населения в городах. Белорусов опережали немцы – 5,7%, русские – 5,7%, евреи – 5,0%, поляки – 3,3% [19, с. 70].

Города Беларуси не имели количественного перевеса над уездами в концентрации тружеников интеллектуальной сферы (45% против 55%). И в этом

они отличались от городов европейской части России. Интеллектуальная жизнь белорусских уездов была более насыщенной по сравнению с внутренними губерниями России. З.В. Шибeko относит к типичным деревенским интеллектуалам учителей, священников и фельдшеров, вместе с тем отмечая, что учителя и медицинские работники делились между городом и уездами почти поровну [19, с. 71–72].

Белорусы составляли примерно 18% среди интеллектуалов 5 западных губерний, причем в городах – более 7%, а в уездах – более 26%. В городских центрах их опережали евреи, русские и поляки, а в сельской местности – евреи и русские. Городская интеллигенция была преимущественно еврейско-русской (более чем на 80%). Этот факт усложнял развертывание в городах Беларуси белорусского культурно-просветительского движения, как и формирование национального сознания среди учащихся начальной, средней и профессиональной школы.

Белорусы составляли треть от общего числа священников, 20% медицинских работников, 10,5% учителей и менее 10% остальных категорий интеллектуалов. Если в городах белорусы составляли 4,3% всех учителей, то в уездах – 16,6%. На востоке Беларуси (Могилевская и Витебская губернии) удельный вес белорусов в составе интеллигенции был самый большой. То же самое касалось их представительства среди учителей, которое составляло в Могилевской губернии 14,05%, в Витебской – 12,35%, в Минской – 10,20%, в Гродненской – 7,95%, в Виленской – 7,85%. Данная статистика показывает, что представительство белорусского этноса среди интеллектуалов уменьшалось с востока на запад [там же, с. 72–73].

Однако, несмотря на количественный перевес восточнобелорусских

интеллектуалов, белорусское национально-культурное развитие происходило благодаря интеллигентам-западникам, преимущественно католикам, что объяснялось инертностью православной белорусской интеллигенции, ее культурной ориентацией. Социально-политические идеалы учительских кругов белорусских губерний ограничивались культурной либо культурно-административной автономией в границах Российской империи. Такая культурная переориентация, как отмечалось ранее, затронула в большей степени евреев и православных белорусов, в меньшей – поляков и белорусов-католиков.

Идеалы национально сознательной интеллигенции (преимущественно католической знати) чаще всего не находили отклика в среде православного крестьянства. Православная интеллигенция была ближе к национальным корням, но не имела соответствующей национально-культурной стратегии. Линия на интеграцию в Российскую империю, которую эта интеллигенция проводила, победила. Эта победа закладывалась еще в 1863 г., когда российское правительство начало политику противопоставления католической знати и православного крестьянства, из среды которого выходила интеллигенция восточной ориентации. В окончательном итоге все это привело к частичному расколу белорусского этноса. Белорусская интеллигенция, возникшая после отмены крепостничества в России, оказалась не в состоянии выполнить свою национально-культурную и просветительскую миссию.

Подводя итоги, отметим, что кадровая политика просветительства в Беларуси подчинялась общим целям и задачам русской «культурной интервенции». Ее главными персонажами выступали русский православный учи-

тель и священник, которые исполняли миссию «культуртрегеров». Местным кадрам белорусского, польского, литовского, еврейского происхождения высказывалось недоверие. Но политика привлечения уроженцев центральной России к началу XX в. перестала себя оправдывать, чем и была вызвана отмена надбавок к окладам учителям и другим категориям служащих в западных губерниях.

Учительские семинарии не смогли до конца соблюсти роль, предназначавшую МНП, ведь вместе с проводниками правительственной политики они готовили (правда, в очень ограниченных количествах) и будущих представителей белорусского учительства. Белорусы составляли только 10% учительского корпуса, и эта малочисленность объясняла общие позиции учительства относительно белорусского национально-культурного движения, его лояльность к правительству. Учительство Беларуси в своей массе оставалось надежным проводником политики правительства в области просвещения.

В результате кадровой политики в области просвещения все высшие и средние должности в учебных и церковно-школьных заведениях были заняты лицами русского происхождения (преимущественно этническими русскими), а также сторонниками идеологии «западнорусизма». Новой формой культурно-просветительской политики в Беларуси явилось создание земской школы, которая также имела своей главной задачей распространение русской грамоты среди белорусских крестьян.

Более важной особенностью культурного курса «русского просветительства» был учет и использование в своих целях полиэтнической и поликонфессиональной структуры белорусско-

го общества. Полиэтнический фактор сыграл определенную положительную роль, поскольку объективно выступал в качестве преграды денационализации белорусского народа.

Литература

1. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / М.А.Ткачоў [і інш.]. Мінск: Народная асвета, 1985.
2. *Белецкий А.* Виленский учебный округ в XIX веке // Виленский календарь на 1904 простой год царствования императора Николая II. Вильна, 1903. С. 76–93.
3. *Белецкий А.* Попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский (24 октября 1869 г. – 25 июня 1899 г.). Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1903.
4. Высочайшее повеление «О расширении власти попечителей учебных округов» от 12 октября 1906 г. // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1906. № 12. С. 568.
5. *Доўнар-Запольскі М.В.* Гісторыя Беларусі. Мінск: Бел. энцыкл., 1994.
6. *Ізнатоўскі У.* Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя. 3-е выд., стэрэатып. Мінск: БДВ, 1928.
7. Историко-педагогические исследования и проблемы стратегии развития современного отечественного образования: тезисы докладов и выступлений на XIII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки (25–26 мая 1993 г.) / под ред. З.И. Равкина. М.: Ин-т теоретической педагогики и международных исследований в образовании РАО, 1993.
8. *Кравцов А.И.* Педагогическое образование в Белоруссии в дооктябрьский период // Ученые записки Белорусского университета. Сер. Педагогика. 1958. Вып. 1. С. 3–63.
9. *Круковский А.* Очерки педагогического прошлого в Северо-Западном крае // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Февраль; июль; август; сентябрь.
10. *Кушнер А.И.* Этнический состав интеллигенции Белоруссии в конце XIX века: по материалам переписи 1897 г. // Наш радавод. Гродна, 1991. Кн. 3. С. 515–520.
11. *Лельчицкий И.Д.* Аксиологические основания моделирования профессиональной подготовки учителя в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.) // Национальные ценности образования: история и современность / под ред. З.И. Равкина. М.: Ин-т теории образования и педагогики РАО, 1996. С. 263–266.
12. *Лёсік Я.* Культурны стан Беларусі к моманту Лютаўскай рэвалюцыі // Беларусь: Нарысы

- гісторыі, эканомікі, культуры і рэв. руху. Минск, 1924. С. 100–118.
13. Министерское распоряжение «По вопросу о процентной прибавке к содержанию служащих в западных губерниях» от 26 ноября 1908 г. за № 30823 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1909. № 1–2. С. 38.
 14. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. 16. Диаграммы и картограммы / ред. В.И. Покровского. СПб.: Экономия, 1916.
 15. Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдельных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. Изд. 1896 г. // Свод Законов Российской империи (неофиц. издание). Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге / под ред. А.Ф. Волкова, Ю.Д. Филипова. 2-е изд. стереотип. СПб.: Общественная польза, 1899. Т. 3, кн. 3. С. 193–201.
 16. Циркулярное распоряжение «О сборе пожертвований на устройство в г. Вильно ремесленной школы имени А.В. Белецкого» от 4 апреля 1908 г. № 4998 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1908. № 5–6. С. 236–237.
 17. *Цьвікевіч А.* «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай думкі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Минск: Навука і тэхніка, 1993.
 18. *Шыбека З.* Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). Минск: ЭўроФорум, 1997.
 19. *Шыбека З.* Горад – асяродак міжэтнічнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння ў Беларусі (па матэрыялах перапісу насельніцтва 1897 г.) // Беларусіка-Albaruthenica 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыян., міжрэлігійн. і міжкульт. ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу / рэд. Ул. Конан [і інш.]. Минск: ННАЦ імя Ф.Скарыны, 1997. Ч. 1. С. 65–74.